

Книга прежде всего рассчитана на детей, о чем свидетельствуют большой формат, особо четкий шрифт, яркая обложка — на белом фоне веселый пляшущий хоровод сказочных персонажей — прелестные смешные, необычайно выразительные, вместе с тем несущие в себе черты лубка, примитива, и необходимой условности иллюстрации. Однако мимо этой книги не может пройти не только взрослый читатель, но и исследователь славянского фольклора.

Все тексты паспортизованы — указаны их источники и сделаны ссылки на соответствующие номера и страницы указателей, где интересующийся данным сюжетом читатель получит сведения о параллельных вариантах. Несомненно, у взрослого читателя вызовет интерес и небольшое послесловие, написанное Паулем Недо. В его статье раскрывается общность западнославянских сказок и указываются их исторические предпосылки. Автор отмечает также характерные особенности сказочного репертуара каждого из народов, сказки которых вошли в книгу; эти особенности определяются этническими, социально-экономическими и культурными факторами. Указываются и межэтнические связи, повлиявшие на появление тех или иных сюжетов в репертуаре каждого из западнославянских народов. Особое внимание уделено локальной специфике западнославянских вариантов широко распространенных международных сказочных сюжетов. П. Недо пишет, что читатель встретит в книге много издавна знакомых сюжетов и мотивов, но вместе с тем убедится, что конкретное воспроизведение распространенной фабулы в западнославянской версии оригинально, необычно, полно фантазии и крайне увлекательно.

Обращаясь к рассмотрению источников антологии, П. Недо указывает их разное качество, что поставило перед составителями задачу редактирования отдельных текстов. Проводилось это с необходимой осторожностью и учетом требований науки, причем редакторы не допускали каких-либо изменений сюжетов и мотивов и старательно избегали излишнего олитературивания текста.

Большие трудности стояли и перед переводчиками, в частности при переводе особенно своеобразных по стилю словацких сказок.

Отмечая, что сказка у западных славян, за исключением некоторых районов Словакии и Моравии, почти исчезла в живом бытовании и что вместе с тем сохранился интерес к «книжной» сказке, П. Недо говорит о стремлении составителей антологии «Липа со стеклянными листочками» сохранить в книге исконную, специфическую форму народного рассказа, существо «народной поэзии».

Авторский коллектив — составители, художники, и в первую очередь П. Недо, в данном случае выступающий как составитель, переводчик, редактор и комментатор, безусловно, эту трудную задачу выполнил.

В «Литературной газете» была опубликована интересная статья Д. М. Молдавского¹, сетовавшего на то, что многочисленные сборники сказок, издаваемые у нас в СССР и рядом не пригодны для научной работы, так как не имеют должного, хотя бы минимального научного аппарата.

Сборник, вышедший в издательстве «Domovina», может служить образцом учета интересов самых широких читательских кругов и самых требовательных исследователей.

Э. В. Померанцева

¹ Д. М. Молдавский, Сказка — это серьезно. «Литературная газета», 1972, 20 августа.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974, 319 стр.

Рецензируемый сборник (отв. редакторы А. М. Решетов, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов), содержит девять статей, каждая из которых посвящена одной из стран Юго-Восточной Азии, а также обобщающее заключение.

Статьи, как правило, состоят из вводной части, содержащей описание этнического состава населения страны и ее этнической истории, и основной части, где рассматриваются собственно этнические процессы в доколониальный и колониальный периоды и со времени завоевания независимости до наших дней. Такая структура обусловлена характером излагаемого материала: этнические процессы обычно порождаются политическими, экономическими и другими факторами, которые выступают и в роли условий протекания этнических процессов. Поэтому изучить и понять сами этнические процессы нельзя без изучения причин и условий, их порождающих.

Указанные условия чрезвычайно разнообразны в Юго-Восточной Азии. Население этого региона составляет немногим более 7% населения мира, или около 13% населения Зарубежной Азии. Однако в Юго-Восточной Азии живет около 500 народов: в Бирме — около 50, во Вьетнаме — около 70, в Индонезии — свыше 150, в Лаосе — око-

ло 30, в Малайзии — более 50, в Таиланде — свыше 25, на Филиппинах — почти 100 народов.

Деять стран рассматриваемого региона можно разделить на две группы. В первую войдут Бирма, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Тайланд. В этих странах по численности преобладает один народ (соответственно бирманцы, вьеты, кхмеры, лао, тай и китайцы), а остальное население состоит из большого числа народов, находящихся на положении национальных меньшинств. Во второй группе стран (Индонезия, Филиппины и Малайзия), кроме множества малых, живут по крайней мере несколько крупных народов. Естественно, что перед правительствами указанных групп стран стоят различные национальные проблемы.

Особняком стоит Сингапур, в котором, несмотря на абсолютное преобладание китайцев (76,2%), малайцы (15%) и индийцы (7%) занимают равное с ними положение.

Для первой группы стран характерна проблема взаимоотношения основного, доминирующего во всех сферах государственной, политической и общественной жизни народа с национальными меньшинствами. Для второй — основой этнических процессов является культурная и языковая интеграция крупных народов и ассимиляция ими малых, что в итоге приводит к этнической консолидации всего аборигенного населения с перспективой образования в отдаленном будущем в каждой из этих стран единой нации.

Почти все современные народы Бирмы — не аборигены. Существенную роль в формировании этнического состава Бирмы, по мнению автора статьи Г. Г. Стратановича, сыграл миграционный поток переменной мощности и скорости, начавшийся в I тысячелетии до н. э. Сложение бирманской нации, по его мнению, относится к XIX в. (стр. 2). Большой интерес, и не только для Бирмы, представляют народы с «разбросанной территорией» (стр. 12), во многих случаях разделенные еще и государственными границами. Г. Г. Стратанович называет такие народы введенным им термином «дисперсные народности» (стр. 13). Современные этнические процессы в Бирме сводятся, по мнению автора, к взаимоотношению бирманцев (70% населения) с малыми народами, которым правительство предоставляет автономию, одновременно давая им равные гражданские права, независимо от национальности, религии, социального положения и пола (стр. 29).

Г. Г. Стратанович написал и статью о Лаосе. Колониальное господство и особая экономическая политика Франции в этой стране, а также фактическое разделение ее на две части после второй мировой войны привели к тому, что в Лаосе, как указывает автор, еще не завершилось образование нации лао. Этот процесс идет замедленно, причем «своеобразие его связано с формированием зональных межэтнических областей» (стр. 208).

В статье о Вьетнаме, написанной А. И. Мухлиновым, использованы его полевые материалы. В вводной части помещены таблицы («Этнолингвистическая классификация народов Вьетнама» и «Различные этнонимы народов Вьетнама»), которые, несомненно, помогут читателю разобраться в сложном этническом составе населения. Автор излагает также различные точки зрения о путях и времени возникновения вьетской нации и обосновывает свое мнение, согласно которому процесс формирования вьетской нации начался в XVIII в., а ее становление в рамках буржуазного развития продолжалось вплоть до победы народно-демократической революции 1945 г. (стр. 105). В статье делается попытка дать классификацию этнических общностей, живущих во Вьетнаме. Автор выделяет четыре типа: нацию, народность, тип, переходный от группы родственных племен к народности, и этнографические группы (стр. 106—107). Нам представляется, что переход от группы родственных племен к народности есть не что иное, как сосуществование черт, присущих как племени, так и народности, переходное состояние от одного типа этнической общности (племени) к другому (народности), и выделять его в качестве самостоятельного типа неправомерно. В заключение автор подчеркивает особенность этнических процессов на юге Вьетнама и в ДРВ, где они проходят в условиях строительства социализма.

Кхмеры в Камбодже (автор статьи — Я. В. Чеснов) составляют более 85% населения. По мнению автора, тенденции к национальной консолидации стали проявляться у кхмеров в середине XIX в. К сожалению, увлекшись описанием социально-экономических и политических условий, он оставил вопрос о времени окончательного сложения кхмерской нации открытым. По мнению автора, «Камбодже, где наряду с кхмерами живет целый ряд других народов, на протяжении всей ее истории... были свойственны культурное сближение народов и процесс постепенного втягивания в кхмерскую культурную и этническую среду представителей других народов» (стр. 189).

Одна из лучших в сборнике — статья о Таиланде, написанная Е. В. Ивановой. В Таиланде тай не составляют абсолютного большинства населения, но занимают ведущее положение в политической и других областях жизни страны. Автор указывает, что национальная политика правительства направлена прежде всего на насильственную ассимиляцию (стр. 265). Тайские националисты стремятся распространить понятие «тайская нация» не только на таяязычные народы, расселенные в Таиланде и за его пределами, но и на большую часть народов, живущих в Таиланде, независимо от их фактической этнической принадлежности и самосознания (стр. 266). Заключает статью вывод автора о том, что основным направлением национального развития в Таиланде в настоящее время является, по-видимому, разрастание тайской нации за счет народов, находящихся на положении национальных меньшинств (стр. 277).

А. М. Решетов подробно излагает политическую и социально-экономическую историю Сингапура и приходит к выводу, что национально-политическое единство народов этой своеобразной страны — факт несомненный (стр. 246).

Автор отмечает также плодотворную деятельность правительства по сближению всех этнических групп и укреплению общесингапурского самосознания. Правительство прилагает усилия к тому, чтобы это государство не походило на «китайский город» (стр. 250).

Одна из наиболее интересных и сложных в этническом отношении стран Юго-Восточной Азии, несомненно, Индонезия. Автор статьи, посвященной этому региону, Ю. В. Маретин, употребляет для Индонезии термин «полиэтническая страна», как более широкий по сравнению с термином «многонациональная страна». Последний, по его мнению, может быть употреблен лишь к странам, состоящим из нескольких наций. Ю. В. Маретин производит «многонациональный» от «нации». Однако в научной и политической литературе этот термин обычно соотносится с «национальностью» и в этом случае «многонациональный» тождествен «полиэтническому», а следовательно, его употребление едва ли оправдано.

Статья содержит классификацию существующих в Индонезии этнических общностей. Она включает «кочевые племена охотников и собирателей... группы племен, находящиеся на стадии формирования в народность, народности или группы народностей, формирующиеся в нации, и наконец, сложившиеся нации» (стр. 117). Кроме указанных, автор выделяет и «этнические общности переходного характера — когда из группы родственных племен формируется одна или более чем одна народность» (стр. 118). Но эти этнические общности переходного характера тождественны, на наш взгляд, его же группам племен, находящихся на стадии формирования в народность (стр. 117). Нельзя не согласиться с заключительным выводом о том, что в стране идет, с одной стороны, процесс естественной этнической консолидации отдельных этносов страны в народности, нации и некие сложные переходные общности, не имеющие пока адекватного терминологического определения; с другой — отчасти естественного, отчасти искусственного формирования индонезийского единства (стр. 165). Несмотря на дискуссионность отдельных выводов Ю. В. Маретина, его статья — одна из лучших в сборнике.

К наиболее удачным относится и статья Е. В. Ревуненковой о Малайзии. По мнению автора, «сложность национальной структуры Малайзии в отличие от других стран Юго-Восточной Азии состоит не во взаимоотношениях крупных народов с национальными меньшинствами, а во взаимоотношениях местного населения (малайского) с пришлым (китайским и индийским), которое по численности превосходит местное (стр. 215). Спорным, на наш взгляд, представляется предложение Е. В. Ревуненковой называть малайзийское общество «плюральным» (стр. 222). Анализируя этнические взаимоотношения в стране и национальную политику малайзийского правительства, автор отмечает, что «для сохранения „национального согласия“ следует всемерно и на равных условиях удовлетворять интересы всех трех групп населения в области экономики, политики и культуры. Правительственным кругам уже сейчас стало ясно, что необходимо делать упор на факторы, сближающие народы, и что они не должны быть исключительно малайскими» (стр. 231).

Особняком стоит в сборнике статья о Филиппинах (автор Е. Ю. Плотник), занимающая всего шесть страниц. Основные ее положения не вызывают возражений, но по сравнению с другими статьями материал в ней изложен слишком сжато, что в данном случае не является достоинством. В сборнике следовало бы, на наш взгляд, уделить значительно больше внимания такой сложной в этническом отношении стране, как Филиппины.

Интересно заключение, написанное Н. Н. Чебоксаровым и Я. В. Чесновым. Содержащиеся в нем обобщения помогут читателю разобраться в чрезвычайно сложной этнической ситуации Юго-Восточной Азии и в особенностях протекающих там этнических процессов. Авторы подробно анализируют особенности развития феодальных и капиталистических отношений и последствия колониальной зависимости, показывают, насколько сложными и многообразными были общественно-исторические предпосылки этнических процессов в странах Юго-Восточной Азии (стр. 291). Большое место в разделе уделено хозяйственно-культурным типам, которые «играют весьма существенную роль в направлении и специфике этнического развития различных народов» (стр. 292) и являются значительным этнообразующим фактором, влияющим на численность и демографический состав этнических общностей (стр. 295—296).

Н. Н. Чебоксаров — один из авторов учения о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях. Концепция историко-этнографических областей получила здесь дальнейшее развитие: в пределах основных историко-этнографических провинций выделяются области второго порядка, которые во многих случаях полностью или частично совпадают с политическими образованиями, т. е. с государствами (стр. 298—299). Авторы особенно подчеркивают тесную причинно-следственную связь между историко-этнографическими областями второго порядка и возникающими и существующими именно в пределах этих областей государствами, население которых в советской литературе называют «этнополитическими или национально-политическими общностями» (стр. 315).

Заслугой авторов является, несомненно, то, что они рассматривают этническую историю и современные этнические процессы в Юго-Восточной Азии не изолированно,

а в тесной связи с общемировым историческим процессом, подчеркивая, что социально-экономические, политические и национальные процессы «протекают в каждую эпоху в определенной исторической среде» (стр. 315). Авторы отмечают также, что, поскольку в большинстве стран Юго-Восточной Азии буржуазия состояла из представителей некоренного населения (индийцы, китайцы), «опорой национальных революций здесь стали рабочий класс, близкие к нему социальные группы трудящихся (ремесленники, поденщики и др.), крестьянство и местная интеллигенция, роль которой была особенно важна в организационном и идеологическом оформлении освободительного движения» (стр. 316). Заключает статью и книгу в целом вывод авторов о том, что в Юго-Восточной Азии в современную эпоху формирование наций «выступает как главная черта всех этнических процессов, которые, во-первых, охватили основные массы населения и, во-вторых, наложили свой отпечаток на этническое развитие народов, в него еще не включенных» (стр. 315).

К недостаткам рецензируемого сборника следует отнести чрезмерное увлечение в некоторых статьях описанием социально-экономической и политической истории в ущерб этнической. Больше внимание авторы должны были бы уделить и терминологии, оговаривая в каждой статье свое понимание употребляемых понятий. Особенно осторожно следовало бы обращаться с термином «народность», так как определения этому понятию, по сути, не дано. Нам кажется, что прежде чем говорить о «народности» или «нации», нужно выяснить, сложилась ли сама этническая общность, а потом уже относиться к ней к той или иной степени. Как, например, в статье «Бирма» понимать фразу: «Однако сложившаяся в этот период шаньская народность так и не достигла единства, она осталась дисперсной и слабоконсолидированной даже до наших дней» (стр. 8)? Что означает в статье «Индонезия» «национальная консолидация», если «яванцы — этнос, наиболее далеко ушедший по пути национальной консолидации» (стр. 146), балийцы — «высококонсолидированный этнос, идущий по пути национальной консолидации» (стр. 147) и «комплекс признаков, говорящий о высокой степени национальной консолидации, присутствует у минангкабау, аче, малайцев Восточной Суматры (риау-палембангов), а также у тоба-батаков» (стр. 149)? Или что понимается в статье «Камбоджа» под «национальной консолидацией», если в середине XIX века в Камбодже «начали проявляться тенденции к национальной консолидации» (стр. 178) и в то же время начался период «так называемого национального возрождения» (стр. 179)?

Завершая обзор сборника «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии», отметим, что, несмотря на отдельные недостатки, а также на досадные опечатки, эта книга, несомненно, представляет собой значительный вклад в изучение народов Юго-Восточной Азии.

А. И. Кузнецов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

«Estudios de cultura Náhuatl». vol. I—IX. México, 1959—1971.

Серию «Estudios de cultura Náhuatl» («Изучение культуры нахуа») выпускает в свет Семинар по культуре нахуа, организованный при Национальном автономном университете Мехико. Ее основные задачи определены в предисловии к I тому, которое принадлежит перу руководителя Семинара, известного мексиканского ученого Анхеля Марии Гарибая. Главную роль издания он видит в сборе и обобщении материалов по культуре нахуа, чтобы «понять душу народа, оживить его прошлое».

Племена языковой группы нахуа (ацтеки, тлашкаланцы, древние тольтеки и др.) расселены главным образом на севере и в центре Мексики, отдельные нахуатльские группы встречаются на юге страны. Больше всего сведений собрано об ацтеках. В серии имеются и статьи, посвященные другим народам Месоамерики.

С 1959 по 1969 г. вышло восемь томов серии, а в 1971 г. — девятый. Среди авторов — ученые Мексики, США, Франции, Голландии, Австрии. Их работы дают возможность познакомиться с основными взглядами зарубежных этнографов на культуру народов нахуа.

Несколько слов об авторах и редакторах. Семь томов вышли под редакцией крупнейшего специалиста по истории и культуре племен нахуа А. М. Гарибая. Восьмой и девятый тома — под редакцией Мигеля Леон-Портильи, крупнейшего знатока духовной культуры этих народов.

А. М. Гарибай — церковный деятель и в то же время крупный ученый, известный специалист по литературе древних народов Месоамерики, собравший и издавший много литературных произведений нахуа раннего периода. Язык этих произведений он считал важным источником для изучения истории и идеологии народа. В последние годы жизни А. М. Гарибай возглавлял издание Словаря по истории и географии Мексики. За выдающиеся научные заслуги он был избран почетным доктором Мексиканского университета. 70-летнему юбилею этого ученого посвящен IV том серии.

В подготовке рецензируемого издания участвовали также многие известные мексиканские исследователи: крупнейший специалист по календарям Месоамерики, директор Национального индейского института доктор А. Касо; директор Института эстетических исследований, специалист по древнему и современному искусству Мексики Х. Фернан-